

А. С. Ходнев

Культура памяти и публичная история

В последние два десятилетия понятия «историческая память», «культура памяти», «культура истории», «практики памяти и коммеморации» включаются в популярные темы междисциплинарных исследований. Увлечение мемориальными изысканиями и коммеморативными практиками стало настолько широким и публичным, что проникло в учебные планы и программы школ и университетов. Подготовка историков этого направления осуществляется во многих крупных учебных заведениях Европы, Северной Америки и Австралии. Российская действительность отличается от общемировых трендов. Если в других странах проблемы культуры исторической памяти – это предмет диалога между историками и обществом (иногда – между обществом и историками), то в России роль ментора в вопросах памяти берут на себя политики, правительство, государство. Появление публичной истории было напрямую связано с культурными процессами второй половины XX в. и с возрождением интереса к исторической памяти. Публичной историей именуют широкий спектр появления новых знаний или новейших интерпретаций документов и артефактов, возникающих за границами академической истории. Журналисты, политики, медиакомментаторы, режиссеры, художники, блогеры имеют доступ к прошлому и часто интерпретируют его в необычной и оригинальной форме. В целом прогресс публичной истории на рубеже XX–XXI вв. демонстрирует возрастающий интерес к историческим сюжетам широкой читающей публики и зрителей. И все же публичная история пока не сформулировала свой предмет с четкими дисциплинарными границами.

Ключевые слова: культура памяти, публичная история, политика истории, практики памяти и коммеморации, мемориальные исследования, научная историография, прикладная история.

А. S. Khodnev

Culture of Memory and Public History

In the past two decades, the concept of «historical memory», «culture of memory», «culture of history», «memory and commemoration practices» are included into the popular topics of the interdisciplinary research. Interest to memorial researches and commemorative practices has become so wide and public that has penetrated into curricula and programmes of schools and universities. Training of specialists of this direction is carried out in many large institutions in Europe, North America and Australia. Russian reality is different from the global trends. While in other countries, cultural issues of historical memory are the subject of the dialogue between historians and the public, sometimes, between the public and historians, in Russia the politicians, the government and the state take the role of mentors in matters of memory and history. The appearance of public history was directly related to the cultural processes of the second half of the 20th century and with the revival of interest in the historical memory. Under the name of Public history there is a wide range of new knowledge or new interpretations of documents and artifacts that occur beyond the boundaries of academic history. Journalists, politicians, media commentators, film directors, artists, bloggers have access to the past and often interpret it in the unusual and original form. In general, the progress of public history at the turn of the 20–21st century demonstrates the growing interest of general reading public and audience in historical subjects. Yet the public history has not yet formulated its subject with clear disciplinary boundaries.

Keywords: the culture of memory, public history, politics of history, practices of commemoration and memory, memorial studies, scientific historiography, applied history.

В последние два десятилетия понятия «историческая память», «культура памяти», «культура истории», «практики памяти и коммеморации» составляют устойчивые основы для большой области гуманитарного знания, а также педагогического предмета «мемориальные исследования» (*“Memory Studies”*). Рост интереса к исследованиям в области исторической памяти обычно связывают с деятельностью историков третьего и четвертого поколений школы «Анналов» – прежде всего П. Нора, который ввел важное представление о местах памяти [3, с. 107]. Увлечение мемориальными изысканиями и коммеморативными практиками стало настолько широким и пуб-

личным, что проникло в учебные планы и программы школ и университетов. Подготовка историков этого направления осуществляется во многих крупных учебных заведениях Европы, Северной Америки и Австралии. Тем не менее, российская действительность как всегда отличается от общемировых трендов и добавляет контексту культуры памяти новые существенные черты. Если в других странах проблемы культуры исторической памяти – это предмет диалога между историками и обществом, иногда, между обществом и историками, то в России роль ментора в вопросах памяти примеряют на себя чаще всего политики, правительство, государство.

Профессор А. И. Миллер сформулировал в 2009 г. результат этого менторского поведения государства [1, с. 10]. Он считает, что на смену *политизации истории и политики памяти* приходит *политика истории*, которая существенно отличается от прежних процессов в этой области. Прежде всего, история и память представляются некоей ареной борьбы с противниками как внутри страны, так и за рубежом. Во-вторых, вводятся прямые ограничения на высказывания по вопросам истории, ведущие к маргинализации, вытеснению на обочину медийного поля неудобных властям концепций истории. В-третьих, включается определение особой опасности, грозящей истории со стороны внешнего противника, не важно, основаны ли на фактах внешние интерпретации. Следовательно, это ведет к возвращению практики изоляционизма в области гуманитарных наук. В-четвертых, новую историческую политику обосновывают тезисом о том, что патриотизм и преподавание школьной истории находятся в плачевном состоянии [1, с. 11–13]. Наблюдение во многом верное, подтверждаемое общим отношением к истории в России в 2009–2015 гг. И все-таки поворот к жесткой политике истории не дал пока существенных результатов. Скорее, наоборот – исследования историков показали, что «в настоящее время государственная политика памяти не имеет ни четко выраженных идеологических ориентиров, ни научной основы» [3, с. 107].

Профессиональное сообщество хорошо осознает новые культурные вызовы историческому мышлению и памяти и ищет ответы. Например, известный историк Л. П. Репина подчеркивает, что «важная роль в этой необходимой для сообщества историков коммуникативной стратегии должна принадлежать публичной истории, ориентированной на аудиторию за пределами профессионального научного сообщества, или так называемой истории для всех» [2, с. 62].

Появление публичной истории было напрямую связано с культурными процессами второй половины XX в. и с возрождением интереса к исторической памяти. Публичной историей именуют широкий спектр появившихся новых знаний или новейших интерпретаций документов и артефактов, возникающих за границами академической истории. Впервые обратили внимание на дерзкое увеличение публичной истории в США в середине 1970-х гг. Возможно, это было вызвано подготовкой к юбилею – 200-летию образования страны. Во многих штатах появились

отдельные энтузиасты и целые волонтерские общества, занимавшиеся сбором и попыткой научного описания исторических коллекций, исследованием архивов, проведением археологических раскопок, открытием и охраной исторических памятников, мест памяти. Это движение настолько разрослось, что с 1975 г. во многих университетах США появились программы обучения в области публичной истории.

Постепенно публичная история при помощи кабельного телевидения, популярных журналов и новых медиа, связанных с интернетом, захватила практически весь мир.

Например, публичная история давно преодолела Атлантику, и породила активные дискуссии в Европе в среде учителей школ, профессоров университетов и всех, кто просто интересуется историей. Появились как специальные издания, так и блоги в интернете, например, «*Public History Weekly*» [5]. С 2009 г. действует Международная федерация публичной истории (*International Federation for Public History*), объединяющая историков многих стран, организующая конференции, издающая свой бюллетень. Наличие профессиональных сообществ, периодических изданий, учебных программ и присуждения ученых степеней по публичной истории указывает на процесс институционального оформления новой области знаний.

И все же публичная история пока не сформулировала свой предмет с четкими дисциплинарными границами. Для многих историков, преподающих публичную историю и консультирующих непрофессионалов, существует проблема самоидентификации. Профессор университета им. Дж. Мейсона в США Миллс Т. Келли сообщил автору этой статьи, что лишь 2 преподавателя именуют себя *публичными историками*, остальные два десятка – просто *историками*.

Британский вариант отношения к публичной истории и ее роли в популярной культуре выражен в книге преподавателя Манчестерского университета Джерома де Гру [4]. Дж. де Гру поддержал критическое отношение Кита Дженкинса, высказанное в 2003 г., о снижении роли историка в современном мире. Профессиональный историк обычно изображается окруженным иллюзиями, отстаивающим только собственные дефиниции, которые не всегда соответствуют реальной реконструкции истории. К. Дженкинс утверждал, что доступ историка к прошлому при использовании определенного набора дискурсивных практик ограничен и сводится к тому, что он

изображает, в лучшем случае, неполную картину прошлого [4, р. 1].

С другой стороны, представители многих других профессий (журналисты, политики, медиакомментаторы, режиссеры, художники и блогеры) также имеют доступ к прошлому и часто интерпретируют его в необычной форме, которая не имеет ничего общего с «компетенциями и умениями» историков [4, р. 1]. Иными словами, для успешной интерпретации минувшего, которую обретет современное общество в качестве коллективной памяти, сегодня не обязательно быть историком-профессионалом.

Проявления истории в современной публичной культуре характеризуются множественностью вариантов и требуют дополнительного изучения. Обобщенная критика этого наследия прошлого или его популярного использования либо не вмещивается в тонкости исторических жанров, либо стремится их игнорировать совсем. Вместе с тем публичная история, пока не имеющая, как уже говорилось, четких дисциплинарных границ, являет собой область контактов с академической историей. Публичная история иногда показывает такую сложность представлений о прошлом в коллективной памяти, которая может соперничать по значимости с академической историографией. Люди, приходящие в историю через публичную сферу, различные медиа, представляют собой новую группу, заинтересованную, активную и связанную с продвижением в общество новых сведений и нарративов о прошедших эпохах. Роль конвенционного историка-академика меняется. Авторитет историка, занявшего высокое место в культуре и литературе еще в XIX в. в викторианской Англии, ставится под сомнение. Профессиональных историков по-прежнему считают включенными в процессы передачи информации и ориентации в прошлом. Однако их критики подчеркивают, что все больше простых людей стремятся обойти профессионалов в поисках их собственной персонифицированной исторической памяти. Многие в этих практиках они получают через популярную культуру. Следовательно, контекст конструирования коллективной памяти меняется не в пользу академических историков. Академия теряет монополию на исторические знания. «Вымывание» авторитета академических знаний обозначило постепенное появление нового вида размышлений об истории и формулирования новых подходов. Эту новую конфигурацию условно называют «социальной формой знаний» об истории.

В дискуссии намечен и другой, более традиционный, взгляд на современное состояние истории. Известный британский историк Д. Тош утверждает, что роль академического историка в публичной истории все-таки останется высокой. Академические историки выполняют важную функцию углубления гражданского, общественного понимания больших национальных и международных вопросов, которые не являются частью публичной истории. По мнению Д. Тоша, публичная история, как правило, не поднимается до больших общенациональных проблем, а концентрирует внимание на локальных историях и конструировании на этой основе локальных идентичностей [7, р. 191]. Следовательно, академическая история и дальше будет связана с гражданским образованием. Д. Тош утверждает, что «здоровье представительной демократии отчасти зависит от готовности граждан критически изучить вопросы, которые не влияют на них напрямую, но которые важны с точки зрения общественных интересов» [7, р. 191]. В связи с этим Д. Тош считает публичную историю прикладной областью познавательных и описательных практик [7, р. 210]. Любое начинание в публичной или прикладной истории достаточно далеко от этоса и основных тем исследований академической истории и не способно подсказать дополнительные вопросы для академических изысканий.

Несколько иные вопросы обсуждаются в дискуссии о публичной истории в США. Есть ли опасность «самосегрегации» историков в области академической истории и ограничения круга интересующейся публики до небольшой группы коллег по академическому миру? Один из главных вопросов касается того, каким должен быть публичный историк после получения университетского диплома. Для него, конечно, важно осознавать, что он, прежде всего, историк. На этом строится профессиональная идентичность студента по направлению обучения публичной истории. Существенная часть новых навыков состоит в том, что публичный историк должен общаться с широкой аудиторией, а не только с профессиональными историками из мира академии, уметь привлекать и интерпретировать инклюзивные источники, считать приоритетными междисциплинарные области исследований, уметь выполнять совместную, коллективную работу в общественных практиках [6, р. 38].

Важный момент дискуссии о профессиональной роли публичного историка в США: должен ли он стать интегративной частью профессио-

нального сообщества историков или эта область профессиональных знаний, навыков и практик находится отдельно от истории в привычном понимании. Оба подхода к истории помогают лучше понять профессиональные основы публичной сферы, которая связана с пониманием и оценкой обществом прошлого.

В целом прогресс публичной истории на рубеже XX–XXI вв., несомненно, демонстрирует возрастающий интерес к историческим сюжетам широкой читающей публики и зрителей. Это важно для академической историографии, поскольку она не может оказаться в полной изоляции от общества. Дискуссии о публичной истории далеки от завершения. Тем не менее, эти дебаты показывают некоторые особенности национального понимания общественных взглядов на историю и формирование коллективной памяти.

Библиографический список

1. Миллер, А. И. Россия: власть и история [Текст] / А. И. Миллер // Pro et Contra. – 2009. – № 3–4 (46). – С. 6–23.
2. Репина, Л. П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации [Текст] / Л. П. Репина // Ученые записки Казанского университета. – 2015. – Том 157. – Кн. 3. – С. 55–67.
3. Ростовцев, Е. А., Сосницкий, Д. А. Направления исследований исторической памяти в России [Текст] / Е. А. Ростовцев, Д. А. Сосницкий // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2014. – Серия 2. – Вып. 2. – С. 106–126.
4. De Groot, Jerome. Consuming History: Historians and Heritage in Contemporary popular culture [Text]. – London and New York: Routledge, 2009. – 292 p.
5. Public History Weekly. Multilingual Blogjournal for History and Civic Education // <http://public-history-weekly.oldenbourg-verlag.de/>
6. Schultz, Constance B. Becoming a Public Historian [Text] // Public History: Essays from the Field / Edited by James B. Gardner and Peter S. LaPaglia. – Malabar, Florida: Krieger Publishing Company, 2006. – P. 23–40.
7. Tosh, John. Public History, Civic Engagement and the Historical Profession in Britain [Text] // History. The Journal of Historical Association. – 2014. – Vol. 99. Issue 335. – P. 191–212.

Библиографический список

1. Miller, A. I. Rossija: vlast' i istorija [Tekst] / A. I. Miller // Pro et Contra. – 2009. – № 3–4 (46). – С. 6–23.
2. Repina, L. P. Nauka i obshhestvo: publichnaja istorija v kontekste istoricheskoj kul'tury jepohi globalizacii [Tekst] / L. P. Repina // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. – 2015. – Tom 157. – Kn. 3. – S. 55–67.
3. Rostovcev, E. A., Sosnickij, D. A. Napravlenija issledovanij istoricheskoj pamjati v Rossii [Tekst] / E. A. Rostovcev, D. A. Sosnickij // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. – 2014. – Serija 2. – Vyp. 2. – S. 106–126.
4. De Groot, Jerome. Consuming History: Historians and Heritage in Contemporary popular culture [Text]. – London and New York: Routledge, 2009. – 292 p.
5. Public History Weekly. Multilingual Blogjournal for History and Civic Education // <http://public-history-weekly.oldenbourg-verlag.de/>
6. Schultz, Constance B. Becoming a Public Historian [Text] // Public History: Essays from the Field / Edited by James B. Gardner and Peter S. LaPaglia. – Malabar, Florida: Krieger Publishing Company, 2006. – P. 23–40.
7. Tosh, John. Public History, Civic Engagement and the Historical Profession in Britain [Text] // History. The Journal of Historical Association. – 2014. – Vol. 99. Issue 335. – P. 191–212.